

Илья Муромец и Соловей-Разбойник

У города Мурома на холмах стояло село Карачарово. В том селе на окраине притулилась изба, а в ней тридцать лет и три года сидел сиднем на печи крестьянский сын Илья Муромец. Как-то ушли родители в поле, а у ворот остановились певцы бродячие, слепые калики перехожие. Струны на гусях перебирают, поют тихими голосами:

- А и на Дону, Дону, в избе на дому,
На крутых берегах, на печи на дровах
Высока ли высота потолочная,
Глубока ли глубота подпольная,
А и широко раздолье — перед печью шесток,
Чистое поле — по подлавочью,
А и сине море — в лохани вода.
Спели песню, постояли, постучали в ворота:
- Отворяй ворота широкие! Пусти калик в дом!
А Илья Муромец в ответ:

- Не могу отворить ворот широких. Сиднем сажу тридцать лет и три года! Не владею ни руками, ни ногами.

Калики свое:

- Вставай-ка, Илья! Пускай калик в дом!

Вдруг почувствовал силу Илья в руках и ногах, встал и отворил ворота. А калики перехожие налили ему чару медвяного питья, и разгорелась в его сердце, во всем теле сила богатырская. Калики перехожие и говорят:

— Будешь ты, Илья, великий богатырь. Купи себе жеребеночка, поставь его в сруб на три месяца, корми пшеном белояровым. Пройдет три месяца, тогда три ночи поводи своего жеребчика по саду, в трех росах искупай. Потом подведи к тыну высокому. Как сумеет он перескочить через тын в ту и другую сторону, поезжай на нем, куда хочешь. Будет конь носить тебя, спина у него не провиснет, ноги не подогнутся.

С тем и ушли, как пропали. А Илья отправился в поле корчевать дубья-колоды. Все повырубил, повыкорчевал и в глубокую реку пустил. Вот уж удивлялись отец с матерью:

- Что это за чудо такое?

Стали они Илью спрашивать, как выздоровел. Он им все и поведал. Купил себе Илья жеребеночка самого немудрого — бурого, косматого. Кормил его пшеном белояровым, поил свежей ключевой водой и все делал, как повелели

старцы-калики. А как вырос жеребеночек в коня могучего, накинул на него уздечку Илья Муромец, оседлал и попрощался с отцом и матерью. Поскакал его конь. Бежит, как сокол летит, реки и озера в один прыжок перемахивает, хвостом поля подметает. Ездил Илья Муромец по городам и весям, а весть о нем впереди бежала. Много подвигов он совершил во славу земли Русской и силы своей богатырской.

Подъехал к городу Чернигову и спрашивает:

- А укажите мне, добрые жители черниговские, дорожку прямоезжую.

Те ему в ответ:

- Прямоезжая дорожка деревьями завалена, заросла она, замуравела густой травой. Давно уже пеший по ней не хаживал, на добром коне никто не ездил. Там у грязи черной, у березы кривой, у самой речки Смородинки свил себе гнездо на двенадцати дубах Соловей-разбойник. Свищет он по-змеиному, рычит по-звериному. От крика его трава-мурава завивается, цветы лазоревые осыпаются, темные леса к земле преклоняются, а люди замертво валяются. Но есть дорога окольная. Прямоезжей — пятьсот верст, а окольной — тысяча.

Усмехнулся Илья Муромец и отправился дорогой прямоезжей. Добрый конь его горы перескакивает, с холма на холм перелетывает, мелкие речки и озера одним махом берет. Скачет выше дерева стоячего, чуть пониже облака ходячего. Под копытами его колодца открываются, водой наливаются. Подъехал он к речке Смородинке, а Соловей-разбойник как засвищет, как зашипит по-змеиному, заревет по-звериному. Добрый конь Ильи Муромца стал спотыкаться да пятиться. Прикрикнул на него богатырь Илья Муромец:

- Что о корни спотыкаешься, о валежины запинаешься? Не слыхал разве посвисту змеиного, покрику звериного?

Поднял богатырь свой тугой лук, натянул шелковую тетиву, наложил каленую стрелу и пустил ее в Соловья-разбойника. Полетела стрела быстрее птицы поднебесной и попала Соловья-разбойнику в правый глаз, а вылетела в левое ухо. Рухнул с дуба, будто соломенный сноп, Соловей-разбойник. Илья богатырь взял его за космы желтые, привязал к левому стремени булатному. Левой рукой коня ведет, правой дубы рвет, мосты через реки мостит и приговаривает:

- Сидел ты, птица-разбойник, на гнездышке, на двенадцати дубах, сидел ровно тридцать лет, да не встречал, не видел еще такого молодца.

Соловей искоса на Илью поглядывает, помалкивает и думает себе: «Попал я в крепкие руки, теперь не вывернуться, не уйти мне».

Подъехал Илья Муромец к усадьбе Соловья-разбойника. А у того двор на семь верст раскинулся, дом стоит на семи столбах. Вокруг булатный тын. Посреди гостевой двор и три златоверхих терема, крыльцо в крыльцо, конек в конек. Насажены сады зеленые, цветут цветы лазоревые. Из окошек, резными ставенками и узорчатыми косяками украшенных, выглядывают три дочери Соловья-разбойника.

Старшая кричит:

- Едет наш батюшка чистым полем да везет мужичище-деревенщину!
Поглядела другая дочь:

- Едет наш батюшка на добром коне, а к правому стремени мужичище-деревенщина приторочен!

А третья, самая младшая, разглядела:

- Едет мужичище-деревенщина на добром коне. У булатного стремени наш батюшка прикованный!

Выскочила она на широкий двор, схватила подпорку подворотную чугунную в девяносто пудов, размахнулась, хотела ударить, да Илья Муромец увернулся уверткой богатырской и так пнул ее, что улетела дочь Соловья-разбойника под тын булатный. Там и затихла. Выскочили на порог ее сестры, стали сулить Илье за отца казну несчетную. Обещали ему дождевых коров, золотых бычков, чистого серебра и мелкого скатного жемчуга столько, сколько может он увезти на добром коне, унести на плечах богатырских. Но не отдал он им злого их батюшку Соловья-разбойника.

— Хватит ему, — говорит, — на дубу сидеть, да посвистывать, да порывивать, добрым людям загораживать дорогу прямоезжую.

Из книги: Мифы и герои Древней Руси: [для мл. шк. возраста]/ Леонид Яхнин; худож. В. Пуховский. – Москва: Стрекоза-Пресс, 2006. – 127 с., [3] л. цв. ил.: ил. : 21 см – (Классика детям, Школьная программа и внеклассное чтение).